

пріятности своей распространяется. А отъ сего отъ великихъ принимая малые повсюдова онъ началъ являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко ко источнику милостей, а нижніе къ вельможамъ для той же причины.

Исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ божію и къ гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнѣлъ свое состояніе сдѣлать и удовольствовать свои хотѣніи. Однако между множествомъ людей оставалось еще великое число, которые не бывъ толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравовъ; и правосудіе, если не по склонности, но по крайней мѣрѣ, по страху казнѣй, исполняемое еще въ довольно равновѣсіи всы свои сохраняло: При таковыхъ обстоятельствахъ (по краткомъ правленіи принцессы Анны, вмѣсто сына Іоанна Брауншвейскаго, именованаго наследникомъ имперіи умирающею императрицею Анною) принцеса Елизавета, дщерь Петра Великаго и императрицы Екатерины, взошла на россійскій престолъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

(Окончаніе второй части).

ПЕРИОДЪ VI.

Возвращеніе въ Новоспасское.—Поѣздка въ Москву и Петербургъ.—Женитьба.—Первое представленіе оперы.

1834—1836 гг.

По возвращеніи въ Новоспасское, я подалъ прошеніе о паспортѣ за границу и получилъ его въ августѣ. Мое намѣреніе былоѣхать прямо въ Берлинъ, чтобы видѣть Марію, съ семействомъ которой и съ ней самой я былъ въ постоянной перепискѣ. Матушка уѣхала въ Петербургъ съ сестрой Елизаветой Ивановной, получивъ извѣстіе объ опасной болѣзни брата Евгенія Ивановича, который находился тогда въ Артиллерійскомъ училищѣ. Сестра Наталья Ивановна попросила меня довести Луизу до Берлина, на что я охотно согласился. Итакъ, я съ Луизой и человѣкомъ Яковомъ отправился въ Смоленскъ въ концѣ

августа; остановился у сестры Мары Ивановны и мужа ея Дмитрия Степановича Стуньева, и сейчас же взялъ подорожную до города Вильно, гдѣ Яковъ долженъ былъ меня оставить. Но тутъ вышло слѣдующее затрудненіе: паспортъ Луизы не былъ явленъ въ первомъ губернскомъ городѣ, по вѣзду ея въ Россію, а потому начальство въ Смоленскѣ не могло выдать ей паспорта на проѣздъ, и для полученія такого надлежалоѣхать въ Петербургъ. мнѣ было досадно, но между тѣмъ не хотѣлось, давши слово, бросить Луизу, и не хотѣлось тожеѣхать въ Петербургъ.

Погода была превосходная, и Стуньевъ уговорилъ меня къ тому тѣмъ болѣе, что я надѣялся успѣть еще до зимы добраться до Берлина; но судьба опредѣлила иначе.

Прибывъ въ Петербургъ, я остановился у Алексѣя Степановича Стуньева; у него же остановилась и матушка съ сестрой. Брать уже скончался. Первая, попавшися мнѣ по приѣздѣ, лица были: Луиза, которая чесала волосы миловидной дѣвушки. Это была Марья Петровна Иванова, сестра Софии Петровны, жены Алексѣя Стуньева. Въ Берлинѣ сестра *Nathalie* и зять говорили, что покойный отецъ иногда въ шутку называлъ ее своей невѣсткой. Нечувствительно я началъ увлекаться миловидностью и нѣкоторою врожденной граціей Мары Петровны, и не спѣшилъ отѣздомъ, хотя матушка купила мнѣ карету для изѣжанія осенней сырости въ пути. Нѣма приревновала меня къ Марѣ Петровнѣ и все утверждала, что я кончу тѣмъ, что женюсь на ней.

Матушка съ сестрой отправились обратно въ деревню, а я остался у Стуньева, который отдалъ мнѣ свой кабинетъ.

Наконецъ 1-го октября ночью выпалъ снѣгъ; зимній путь установился и я решительно остался въ Петербургѣ.

Все нужное для отправленія Луизы обратно въ Берлинъ, было устроено къ крайней ея досадѣ. Забавно только то, что собираясь въ путь, она во всемъ Петербургѣ не могла отыскать себѣ башмаковъ по ногѣ; всѣ были малы для ея огромной ноги.

У Алексѣя Стуньева была страсть прислуживаться докторами. Сперва отдалъ онъ меня на руки Вольскому, но удачи не было; тогда онъ повезъ меня къ генераль-штабъ-доктору Гаевскому, который нашелъ, что я въ магнитическомъ состояніи исовѣтовалъ употребленіе магнетизма, чтобы помочь этому со-

стоянію нервной системы (*pour me démagnetiser*). Избранный для сего докторъ Лихтенштедъ не охотно согласился, говоря, что онъ убѣдился, сколь ненадежно прибѣгать къ магнетизму. И дѣйствительно, во время магнетизированія я стональ отъ мучительныхъ ощущеній, а послѣ третьаго сеанса надо было прекратить опыты, потому что нервы раздражились до жесточайшей степени. Я снова обратился къ гомеопатіи, и извѣстный въ то время докторъ Германъ значительно помогъ мнѣ. Около двухъ лѣтъ продолжалъ я лечиться гемеопатически и строго соблюдалъ предписанную діату.

Алексѣй Стунѣевъ страстью любилъ музыку, въ особенности романсы. Жили мы въ домѣ, принадлежавшемъ къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщикovъ, на Вознесенской улицѣ. Онъ теперь принадлежитъ ко дворцу е. и. в. Маріи Николаевны. Марья Петровна очень часто гостила у сестры своей Софы Петровны. Когда бывало Алексѣй Стунѣевъ сядетъ въ свободный часъ за фортепьяно и возьмется за романсы, то и начнетъ пѣть одинъ за другимъ по порядку, не пропуская ни одного куплета, хотя бы ихъ было множество. Мы съ Марьей Петровной пользовались его увлеченіемъ и усердно шушукали сидя на софѣ, между тѣмъ, Стунѣевъ приходилъ болѣе и болѣе въ восторгъ. Я, признаюсь въ плутовствѣ своемъ, хотя онъ пѣлъ нещадно въ носъ и выговаривалъ слова топорнымъ образомъ, я не только поощрялъ его къ пѣнію, но даже и разучивалъ съ нимъ новые романсы. Софья Петровна порядочно пѣла пріятнымъ альтовымъ голосомъ. Я началъ учить ее пѣть, а также и Марью Петровну, которая, не зная нотъ, пѣла впослѣдствіи довольно вѣрно и мило небольшіе романсы.

Мало-по-малу начали меня посѣщать любители пѣнія. Николай Степановичъ Волковъ (онъ теперь директоръ училища изящныхъ искусствъ въ Варшавѣ), былъ кадетомъ училища путей сообщенія въ 1824 году, и у Бахтуриныхъ, где онъ тогда часто бывалъ, мы его звали по просту Коша. Въ теченіи зимы съ 1834 на 1835 г., онъ былъ милымъ, образованнымъ и талантливымъ молодымъ человѣкомъ; пѣлъ весьма хорошо баритономъ и превосходно рисовалъ. Съ нимъ я постоянно занимался пѣніемъ, и въ ту же зиму онъ нарисовалъ акварелью мой портретъ необыкновенно удачно. Съ братомъ его Матвѣемъ Степанови-

чемъ Волковымъ, я также вскорѣ послѣ того познакомился; онъ учился пѣть у Беллоли; мы вмѣстѣ пѣвали у Демидовыхъ и дружескія съ ними отношенія до сихъ поръ сохранились. Въ теченіи той же зимы не рѣдко приходилъ пѣть со мной Иванъ Николаевичъ Андрѣевъ; онъ теперь также въ Варшавѣ и до сихъ поръ владѣетъ превосходнымъ теноромъ. Тогда сочиненъ мною романъ «Инезилья», слова Пушкина и романъ «Только узналъ я тебя», сей послѣдній для Марьи Петровны.

Пріятель мой, огромнаго роста капитанъ (теперь генерал-маіоръ и командиръ полоцкаго егерскаго полка въ дѣйствующей арміи) Кошевъ, любитель музыки, пѣвшій пріятно басомъ и сочинившій нѣсколько романсовъ, привель мнѣ однажды маленькаго человѣка *), который говорилъ письливымъ сопрано. Когда онъ сѣлъ за фортепьяно, то оказалось, что этотъ маленький человѣкъ, былъ очень бойкій фортепьянистъ, а впослѣдствіи весьма талантливый композиторъ Александръ Сергеевичъ Даргомыжскій.

Я жилъ тогда домосѣдой, и тѣмъ болѣе, что склонность къ Марѣ Петровнѣ нечувствительно усиливалась; несмотря на это, однако же, я постоянно посѣщалъ вечера В. А. Жуковскаго. Онъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и у него еженедѣльно собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ, литераторовъ и вообще людей доступныхъ изящному. Назову здѣсь нѣкоторыхъ: А. С. Пушкинъ, князь Вяземскій, Гоголь, Плетнѣвъ были постоянными посѣтителями. Гоголь при мнѣ читалъ свою «Женитьбу». Князья Одоевскій, Вельегорскій и другіе бывали тоже не рѣдко **).

Когда я изъявилъ свое желаніе приняться за русскую оперу, Жуковскій искренно одобрилъ мое намѣреніе и предложилъ мнѣ сюжетъ Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи; я находилъ въ ней много оригинальнаго, характерно-русскаго. Жуковскій хотѣлъ самъ писать слова, и для пробы сочинилъ известные стихи: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному» (изъ тріо съ хоромъ въ эпилогѣ).

*) Зачеркнуто и снова подчеркнуто: «въ голубомъ сюртукѣ и красномъ жилетѣ».

**) Зачеркнуто: «иногда вмѣсто чтенія пѣли, играли на фортепіано; бывали иногда и барыни, но которыхъ были доступны изящнымъ искусствамъ».

Занятія не позволили ему исполнить своего намѣренія, и онъ сдалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена, усерднаго литератора изъ нѣмцевъ, бывшаго тогда секретаремъ е. и. в. Государя Цесаревича.

Мое воображеніе предупредило однакожъ прилежнаго нѣмца; какъ бы по волшебному дѣйствію вдругъ создался и планъ цѣлой оперы, и мысль противопоставить русской музыкѣ—польскую. Наконецъ, многія темы и даже подробности разработки, все это разомъ вспыхнуло въ головѣ моей.

Я началъ работать, и совершенно наизворотъ, а именно началь тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ, т.-е. увертюрой, которую написалъ на 4 руки для фортепьяно, съ означеніемъ инструментовки. Въ изданіи «Жизнь за Царя» увертюра въ 4 руки сохранена такъ, какъ я тогда написалъ ее, кромѣ *adagio*, которое измѣнено мною впослѣдствіи. Темы для разныхъ мѣстъ оперы и часто съ контрапунктическою разработкою, записывались я въ особенной тетрадкѣ по мѣрѣ ихъ изобрѣтенія.

Въ теченіи зимы съ 1834 г. на 1835 г., пѣлъ въ концертѣ Демидовой, въ финалѣ Пирата Беллини, партію Рубини. У графа Вельегорскаго исполнили великимъ постомъ 7-ю симфонію Бетховена необыкновенно удачно. Первые скрипки: Львовъ, Бемъ, Рацбергъ и Мауреръ играли съ неподдѣльнымъ увлечениемъ. Послѣ *adagio* профессоръ музыки въ театральномъ училищѣ Soliva, отличнѣйший теористъ, подпрыгнулъ воскликнувъ: «*E una cosa che fa stupore!*» а я былъ такъ встревоженъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ ца меня этой непостижимо превосходной симфоніей, что когда приѣхалъ домой, то Марья Петровна спросила у меня съ видомъ участія: «Что съ тобою, Michel?» — «Бетховенъ!...» отвѣчалъ я.—«Что же онъ тебѣ сдѣлалъ?» продолжала она, и я долженъ былъ объяснить ей, что слышалъ превосходную музыку; она была плохая музыкантша.

Послѣ годовщины по отцѣ, я написалъ письмо къ матери съ просьбою о благословеніи на женитьбу, и, получивъ его, отозвался *). Невѣста моя, по причинѣ приготовленій къ сватѣбѣ, часто жила у матери на Пескахъ, а поэтъ мой Розенъ, въ со-сѣдствѣ съ ними, на Конной площади; такъ что посѣщаю Марью

*) Въ копіи пояснено: «посватался».

Петровну, я заходилъ и къ Розену. Въ теченіи весны, т.-е. апрѣля и марта, по моему плану онъ изготоилъ слова первого и второго акта. Ему предстояло не мало труда; большая часть не только темъ, но и разработки пьесы были сдѣланы, и ему надлежало поддѣлывать слова подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ. Баронъ Розенъ былъ на это молодецъ; заважешь бывало столько-то стиховъ, такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ-сложнаго и даже небывалаго—ему все равно; придешь черезъ день, ужъ и готово. Жуковскій и другіе въ насмѣшку говорили, что у Розена по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и мнѣ стоило сказать—какого сорта, т.-е. размѣра, мнѣ нужно и сколько стиховъ, онъ вынималъ столько каждого сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особеннаго кармана.

Когда же размѣръ и мысль не *) подходили къ музыке и согласовались съ ходомъ драмы, тогда являлось въ моемъ пітѣ необыкновенное упрямство. Онъ каждый свой стихъ защищалъ стойческимъ геройствомъ; такъ, напримѣръ: мнѣ показались не совсѣмъ ловкими стихи изъ квартета:

Такъ ты для земного житѣя
Грядущая женка моя.

Меня какъ-то непріятно поражали слова: грядущая, славянское, библейское даже, и простонародное слово женка; долго, но тщетно бился я съ упорнымъ барономъ; убѣдить его въ справедливости моего замѣчанія возможности не было; онъ много говорилъ съ жаромъ, при чемъ тощее и блѣдное лицо его мало-по-малу вспыхивало яркимъ румянцемъ. Преніе наше окончилось онъ слѣдующимъ образомъ: «Ви не понимаетъ, это сама лучшій поазія».

Мысль извѣстнаго тріо, есть слѣдствіе моей безумной тогдашней любви; минута безъ невѣсты моей казалась мнѣ невыносимою, и я действительно чувствовалъ высказанное въ adagio или andante: «Не томи родимый», которое написалъ уже лѣтомъ въ деревнѣ.

Въ концѣ апрѣля, около 25 или 26 числа, 1835 года я женился. Вѣнчаль насть, въ церкви инженернаго училища, мой

*) «Не» — написано карандашомъ въ концѣ.

духовникъ и законоучитель въ пансионѣ, протоіерей Алексій Маловъ; посаженнымъ отцемъ былъ почтенный родственникъ мой, тайный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ, а шаферомъ моимъ капитанъ, теперь генераль-маіоръ, коман-диръ З-го учебнаго карабинернаго полка, Петръ Александро-вичъ Степановъ. О нихъ буду еще писать послѣ.

Въ первой половинѣ мая, отправился я съ женою и тѣщею въ Новоспасское. Вхали мы на Москву для свиданья съ род-ственниками жены. Со мной были слова для двухъ актовъ, и я помню, что гдѣ-то за Новгородомъ, въ каретѣ, вдругъ я сочи-нилъ въ $\frac{5}{4}$ хоръ «Разлелѣялась».

Подробности деревенской жизни исчезли изъ памяти; знаю только, что я прилежно работалъ, т.-е. упивалъ въ партитуры уже готовое и заготовлялъ впередъ. Ежедневно утромъ садился я за столъ въ большой и веселой залѣ, въ новоспас-скомъ нашемъ домѣ. Это была наша любимая комната; сестры, матушка, жена, однимъ словомъ вся семья тамъ же копошилась, и чѣмъ живѣе болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣе шла моя ра-бота. Время было прекрасное, и я часто работалъ отворивъ дверь въ садъ и впивая въ себя чистый бальзамическій воздухъ.

«Не томи родимый» сначала я написалъ-было въ $\frac{2}{4}$ и въ тона A-moll, но разсчель, что въ первомъ актѣ, у меня много парнаго дѣленія такта, а именно: Интродукція, арія Анто-ниды и речитативъ Сусанина съ хоромъ. Вспомнилъ тоже слова Дена, который однажды привелъ Шпора въ замѣшательство, спросивъ у него: по какой причинѣ вся Гессонда его идетъ въ $\frac{3}{4}$ дѣленія такта? Не желая, чтобы и ко мнѣ могли придраться за единообразіе, я написалъ ту же мелодію въ $\frac{6}{8}$ и въ B-moll, что безспорно лучше выражаетъ нѣжное томленіе любви.

Карлъ Федоровичъ Гемпель погостили у насъ не малое время; онъ искренно радовался успешному ходу труда моего, и кажется, въ хранящейся у В. П. Энгельгардта собственно-руч-ной партитурѣ, сцена G-dur, когда къ Сусанину въ хижину приходятъ поляки, переписана Карломъ Федоровичемъ *).

Въ августѣ, мы съ женою и тѣщею отправились обратно въ

*) Эта сцена составляетъ № 13-й партитуры. См. Отч. И. П. Б., стр. 36.

Петербургъ, гдѣ въ скоромъ времени я съ женою поселился на Конной площади, въ особенномъ, нами одними занимаемомъ домѣ. Вскорѣ къ намъ перебралась и тёща. Здѣсь я долженъ сказать, что Алексѣй Стунѣевъ не одобрялъ этого и не разъ говорилъ мнѣ: «Ей, Michel, не бери тёщи въ домъ». Вообще, онъ ни въ чемъ непричастенъ былъ въ женитьбѣ моей и ея послѣдствіяхъ. Отчасти по самонадѣянности, отчасти по свойственной художнику лѣни заниматься хозяйственными дрягами, а также изъ угощенія женѣ, я впустилъ въ мое семейство бѣдовую тёщу.

Несмотря на это, все шло хорошо, и такъ хорошо, что пріятель мой Степановъ, нерѣдко навѣщавшій насъ, сказалъ мнѣ однажды: «Душа радуется, видя твое счастье; поздравляю тебя». — «Искреннее скажу спасибо, отвѣчалъ я, когда ты черезъ десять лѣтъ поздравишь меня».

Съ Степановымъ (Петромъ) я встрѣчался будучи еще въ пансіонѣ, у родственника нашего (мы были сами въ дальнемъ родствѣ), Федора Степановича Кашталинскаго, потомъ видались пріятельски у князя Хованскаго и у моего пансіонскаго товарища Алексѣя Николаевича Астафьева, который теперь генераль-маюромъ при свитѣ е. и. величества.

Работа шла успѣшно; всякое утро сидѣль я за столомъ и писалъ по шести страницѣ мелкой партитуры, той самой, чѣмъ у Энгельгардта. По вечерамъ, сидя на софѣ въ кругу семейства и иногда немногихъ искреннихъ пріятелей, я мало принималъ участія во всемъ меня окружавшемъ. Я весь былъ погруженъ въ трудъ, и хотя уже много было написано, оставалось еще многое соображать, а эти соображенія требовали не малаго вниманія, надлежало все пригонять такъ, чтобы вышло стройное цѣлое. Сцену Сусанина въ лѣсу съ поляками, я *) писалъ зимою; всю эту сцену, прежде чѣмъ я началъ писать, я часто читалъ съ чувствомъ вслухъ, и такъ живо переносился въ положеніе моего героя, что волосы у самого меня становились дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ.

Развитіе, по моему плану, этой сцены вполнѣ принадлежитъ барону Розену **).

*) Зачеркнуто: «помню какъ бы теперь».

**) Рукою Кукольника написано: «NB. О Розенѣ» — а рукою Глинки: «NB. Не понимаю. Мимоза».

Ломакинъ, съ которымъ я тогда познакомился, тоже содѣйствовалъ моему труду; онъ приводилъ пѣвчаго Бѣликова (сопрано), чтобы пробовать арію: «Не о томъ скорблю подруженьки», ритурнель которой игралъ на флейтѣ Тихменевъ. Гаврилъ Екимовичъ Ломакинъ собственными и постоянными трудами и талантомъ, достигъ почетнаго мѣста между преподавателями музыки и искренно любимъ и уважаемъ всѣми его знающими.

Прасковья Арсеньевна Бартенева была въ Петербургѣ. Чрезъ нея или черезъ зятя ея Д. И. Нарышкина, устроили мнѣ оркестровую репетицію первого акта моей оперы, въ домѣ князя Юсупова.

Оркестръ, хотя плохой, исполнилъ однако довольно хорошо; управлялъ имъ Іоханинъ, который впослѣдствіи былъ театральнымъ капельмейстеромъ въ Москвѣ. Хоровъ не исполняли, а кое-гдѣ пѣлъ я, Бартенева и Волковъ. Несмотря на это, эффектъ инструментовки оказался удовлетворительнымъ. Это было великимъ постомъ 1836 года.

Въ ту же зиму, т.-е. съ 1835 на 1836 г., я познакомился актерами Петровымъ и Шемаевымъ, а потомъ и съ другими съ артистами русской оперы, и, мало-по-малу, началъ разучивать мою оперу. Гг. артисты проходили со мной свои партіи съ искреннимъ усердіемъ. Петрова (тогда еще Воробьевы), необыкновенно талантливая артистка, всегда просила меня прощать ей, каждую новую для нея музыку, раза два, въ третій—слова и музыку она уже хорошо пѣла и знала наизусть.

Несмотря на доброе расположение артистовъ, во время моихъ съ ними занятій, дѣло не обошлось безъ сплетень и неудовольствій. Директоръ театровъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ писалъ мнѣ письмо съ незаслуженными мною выговорами,—будто бы я заставляю артистовъ пѣть въ комнатахъ, гдѣ слишкомъ нахулено табакомъ и что-де отъ этого ихъ голоса портятся. Я досадовалъ, но все-таки продолжалъ разучку партій.

Въ мартѣ 1836 года, графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельегорский устроилъ у себя репетицію первого акта оперы *); партіи пѣли артисты, а хоры не помню какіе именно пѣвчіе, только

*) «За что ему вѣчное спасибо».—Помѣта на полѣ копіи карандашемъ.

иे придворные. На этой репетициі быль Гедсоновъ, была также и матушка. Репетиція была очень удовлетворительна. Графъ Вельегорскій сдѣлалъ мнѣ два дѣльныхъ замѣчанія: въ интродукціи не было конца (сoda), и по его совѣту я потомъ и придалъ конду. Въ № 3-мъ въ сценѣ Сусанина *) не было хора на сценѣ, а только за кулисами. Графъ посовѣтовалъ мнѣ придѣлать хоръ на сценѣ crescendo и кончить его ff, что мною сдѣлано съ успѣхомъ, и явленіе жениха отъ того несравненно торжественнѣе.

Въ теченіе работы не мало обязанъ я совѣтамъ князя Одоевскаго и нѣсколько Карла Мейера. Одоевскому чрезвычайно понравилась тема, взятая мною изъ пѣсни лужскаго извозчика, а именно:

Moderato.

Что га - да - ть о свадь-бѣ.

Онъ совѣтовалъ мнѣ напомнить объ этой темѣ, которою начинается партія Сусанина, въ послѣдней его сценѣ въ лѣсу съ поляками. Мнѣ удалось исполнить это; послѣ словъ: «Туда залѣль я васъ, куда и сѣрый волкъ не забѣгалъ, куда и черный вранъ костей не заносилъ», идетъ прогрессія отрывка изъ темы, переданной мнѣ извозчикомъ, а именно:

Cус.

Хоръ. Сус.

Куда?

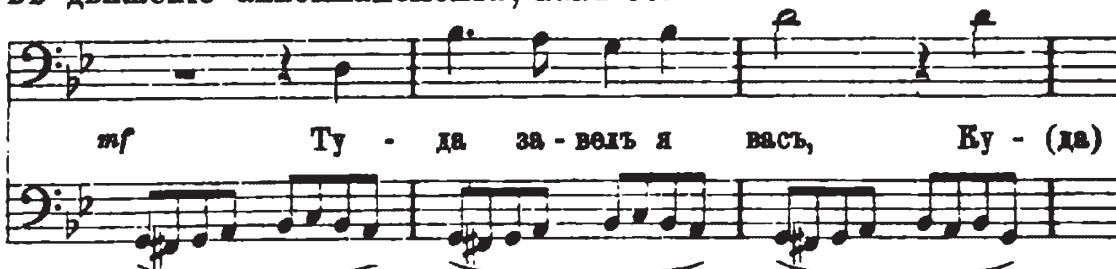
Хоръ.

Куда?

При сочиненіи начала, въ отвѣтахъ Сусанина я имѣлъ въ виду нашу извѣстную разбойничью пѣсню «Внизъ по матуш-

*) Зачеркнуто: «главная тема которой взята изъ слышанной мною неподалеку отъ города Луги, С.-Петербургской губерніи, русской пѣсни, передъ приходомъ жениха». — Съ боку карандашемъ: «нужно».

ѣ по Волгѣ, употребивъ начало ея удвоеннымъ движеніемъ въ движение аккомпанемента, какъ-то:

Съ Карломъ Мейеромъ я иногда совѣтовался объ инструментовѣ особенно въ ff; помню также, что онъ навелъ меня на фигуру аккомпанемента въ мазуркѣ:

Эта фигура въ разныхъ тонахъ повторяется разными инструментами и производить недурной эффектъ.

Съ Несторомъ Кукольникомъ познакомили меня, когда?—не помню, по случаю моей оперы и отрекомендовали, какъ лучшаго въ тогдашнее время нашего драматического писателя.

Онъ готовъ былъ писать для меня слова; но уѣхалъ въ Москву, откуда прислалъ образчикъ сцены, изъ котораго я увидѣлъ, что нельзя было заочно работать, въ особенности потому, что большая часть музыки была готова и нужно было подъ нее поддѣлываться. Съ другой же стороны, баронъ Розенъ ретиво приступилъ къ дѣлу, и изъ уваженія къ В. А. Жуковскому, мнѣ нельзя было избѣгнуть его содѣйствія. Несмотря на это обстоятельство, по возвращеніи Нестора Кукольника, мои сношенія съ нимъ не только продолжались, но сдѣлались еще дружественнѣе; онъ принималъ искреннѣе участіе въ трудѣ моемъ и радовался каждой вновь сочиненной сценѣ съ истиннымъ восторгомъ.

Весною 1836 года, жена съ тѣщей перѣехала въ Петергофъ, гдѣ поселилась вмѣстѣ съ женатымъ братомъ своимъ Николаемъ Петровичемъ. Послѣ Венеціи я съ трудомъ переносилъ вліяніе морского воздуха, а потому рѣдко навѣщалъ жену въ

Петергофъ. Притомъ же, послѣ репетиціи у графа Віельгорскаго пошли хлопоты и сплетни, надлежало добиться принятія оперы моей на сцену. Меня увѣряли, что капельмейстеръ Катерина Альбертовичъ Кавосъ, написавшій когда-то, и удачно, музыку на оперу Иванъ Сусанинъ, сильно интриговалъ противъ меня. Время обнаружило противное; онъ болѣе всѣхъ другихъ убѣждалъ директора *) поставить мою оперу, а впослѣдствіи велъ репетиціи усердно и честно**).

Наконецъ обязали меня подпиською не требовать за оперу никакого вознагражденія; таковую подпиську далъ я секретарю Гедеонова, А. Л. Неваховичу, на квартирѣ Н. Кукольника, у Синяго моста, въ домѣ Гавриловой.

Надлежало тогда кончить разучку партій, заняться разучкой хоровъ, докончить танцы, и изготовить нѣкоторые вновь, по указанію балетмейстера Титюса. Кроме польского, краковяка, мазурки и Pas de quatre (A-dur), я подзаготовилъ было еще два другихъ па, между прочимъ одно E-dur, въ которомъ было Solo для Бёма, другое па C-dur для гобоя и віолончели.

Вскрѣ Кавосъ началъ репетиціи въ залахъ театра съ квартетомъ. Такъ какъ известно, что смычковые или струнные инструменты составляютъ главную основу оркестра и что ихъ несравненно болѣе (требуется) ***), чѣмъ духовыхъ инструментовъ, то Кавосъ распорядился такъ, что бралъ два квартета съ однимъ контрабасомъ на одну репетицію, на слѣдующую другіе два квартета съ другимъ контрабасомъ и продолжалъ таѣ (причемъ постоянно исправлялъ ошибки), пока всѣ артисты не были въ возможности порядочно исполнять пьесы. Тогда онъ бралъ отдельно одни духовые и наконецъ весь оркестръ, сперва въ залахъ, а потомъ и на сценѣ.

Кавосъ велъ репетиціи съ свойственною ему дѣятельностью только, по привычкѣ, не соблюдалъ отѣнковъ, въ особенности рр. никогда почти не выходило, а было что-то въ родѣ mf. Равнымъ образомъ онъ какъ-то не могъ уловить настоящаго темпа, а всегда бралъ его нѣсколько медленнѣе или живѣе,

*) «Тоже благородный человѣкъ». Прим. Глинки карандашемъ на копії.

**) «Сколько могъ». Примѣч. Глинки карандашемъ на копії.

***) Это слово находится въ копії.

Не помню гдѣ именно и на какой репетиції за польскій D-dur и хоръ C-dur, гдѣ pizzicato струнныхъ инструментовъ подражаютъ балалайкѣ, артисты, положа смычки, мнѣ усердно аплодировали, и еще аплодировали за какой-то нумеръ. Признаюсь, что это одобрение меня болѣе удовлетворило, нежели всѣ изъявленія удовольствія публики. Надо замѣтить, что я тогда очень мало былъ знакомъ съ музыкантами, исполнявшими мою оперу. Оркестръ былъ хорошъ, но не совсѣмъ: в то рѣа скрипки были, сравнительно, гораздо плоше первыхъ; альтовъ было мало; контрабасы были не всѣ хороши; изъ духовыхъ тоже не всѣ; валторны были исправны, равно какъ и нѣкоторые вторые изъ другихъ инструментовъ *). Между первыми скрипками были хорошие артисты; 4 или 5 превосходныхъ віолончelistовъ, изъ духовыхъ, klarнетистъ Бендеръ отличался необыкновенною полнотою звука, а флейтистъ Зусманнъ, былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ, если не лучшій, артистъ въ Европѣ.

Во время послѣднихъ репетицій приѣхалъ отличнѣйшій гобоистъ Бродъ; онъ необыкновенно хорошо исполнялъ свои партіи на гобоѣ и на англійскомъ рожкѣ.

За нѣсколько времени до представленія, приѣхалъ изъ Москвы теноръ Шарпантѣ (Charpentier); онъ, подъ именемъ Леонова, поступилъ на театръ и ему дали роль Сабинина.

Жуковскій, хотя не писалъ для либретто, однако не измѣнилъ внимательному участію въ трудѣ моемъ; онъ объяснилъ машинисту и декоратору Роллеру, какъ устроить эффектно послѣднюю сцену въ Кремль; вмѣстѣѣздили мы въ мастерскую (atelier) Роллера и Жуковскій внимательно рассматривалъ и разспрашивалъ обо всемъ подробно.

Успѣхъ вполнѣ увѣнчалъ дѣло, и въ послѣдней сценѣ, вырѣзанныя изъ картона разнородные группы отдаленной толпы, превосходно обманываютъ зрѣніе, и кажутся продолженіемъ оживленной толпы народа, стоящаго на авань-сценѣ.

Въ концѣ лѣта я написалъ тріо съ хоромъ: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному» соображаясь съ средствами и талантомъ г-жи Воробьевой. По случаю отѣзда дѣйстви-

*) Здѣсь знаки препинанія поставлены такъ въ копіи.

тельного статского советника, доктора Пеликана, съ которымъ жилъ Кукольникъ, весь бель-этажъ былъ въ его распоряженіи вмѣстѣ съ друзьями. Въ одной комнатѣ писалъ хозяинъ, Кукольникъ, въ другой шла бесѣда, въ третьей, докторъ Гейденрейхъ весь погружался въ шахматную игру и т. д.

Вышеозначенное тріо съ хоромъ (изъ него сдѣлано адаџіо увертюры) написалъ я подъ веселый часъ. Помню, какъ теперь, что наскъ собралось человѣкъ пятнадцать, былъ и Петровъ (актеръ), и эту трогательную сцену я написалъ, или скорѣе, сочинилъ подъ шумъ и говоръ ширующихъ друзей. Аккомпанементъ къ этому тріо сначала написалъ я для альтовъ и віолончелей, но потомъ, по совѣту князя Одоевскаго, для однихъ четырехъ віолончелей и одного контрабаса; онъ же навелъ меня на мысль употребить скрипки, раздѣленныя (*divisé*) на 4 и 3 партіи въ введеніи въ это тріо «Все та же тоска и пр.».

Отъ того ли, что я покупался въ морѣ въ послѣднюю поѣзду мою въ Петергофъ, лѣтомъ 1836 года, при чёмъ я чувствовалъ, что у меня необыкновенно какъ-то повернулось около сердца, или отъ другой причины, но я началъ жестоко страдать, сперва нервами, съ невыносимымъ замираніемъ во всемъ тѣлѣ, а въ скоромъ времени образовалась лихорадка, которая сопровождалась по утрамъ кровотеченіемъ изъ носа, а по вечерамъ жаромъ, и въ короткое время меня чрезвычайно изнурила. Къ счастію, я уже нѣсколько зналъ употребленіе нѣкоторыхъ гомеопатическихъ лекарствъ, и одинъ пріемъ ипекакуаны прервалъ лихорадку.

Болѣзнь заставила меня сидѣть дома; когда же, нѣсколько оправившись, я появился на репетиціи, то меня съ трудомъ можно было узнать: я похудѣлъ и позеленѣлъ до невѣроятной степени.

Репетиціи ведены были въ залахъ и на сценѣ александрийскаго театра. Большой театръ былъ въ передѣлѣ. Въ скоромъ времени, осенью, для пробы авустического достоинства залы Большого театра исполнили тамъ квартетъ изъ моей оперы: «Милая дѣти, будь между вами миръ и любовь».

Рѣшено было дать мою оперу на открытие театра, по

возобновленіи, и потому начали производить пробы на сценѣ большаго театра. Въ это время отѣлывали ложи, прибивали канделябры и другія украшенія, такъ что нѣсколько сотъ молотковъ часто заглушали капельмейстера и артистовъ.

Не задолго до первого представлѣнія, я имѣлъ счастіе встрѣтить Государя на одной изъ репетицій; молотки умолкли и Петровъ съ Воробьевой гѣли дуеть Es-dur, и, естественно, очень не дурно. Государь подошелъ ко мнѣ и ласково спросилъ: «доволенъ ли я его артистами?»—Въ особенности ревностію и усердіемъ, съ которыми они исполняютъ свою обязанность, отвѣчалъ я. Этотъ отвѣтъ понравился государю и онъ передалъ его актёрамъ.

Черезъ содѣйствіе Гедеонова я получилъ позволеніе посвятить оперу мою государю императору; и вместо Ивана Сусанина, названа она «Жизнь за Царя».

На послѣдней репетиціи я не былъ за болѣзнью. Эта проба была, какъ водится, въ костюмахъ, съ декораціями и освѣщеніемъ. Такъ какъ многіе уже слышали отрывки изъ оперы моей и публика интересовалась ею, то театръ былъ полонъ.

Князь Одоевскій по окончаніи пробы успокоилъ меня письмомъ, увѣряя, что успѣхъ первого представлѣнія не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Наконецъ, въ пятницу, 27 ноября 1836 года, назначено было первое представлѣніе оперы: «Жизнь за Царя».

Невозможно описать моихъ ощущеній въ тотъ день, въ особенности передъ началомъ представлѣнія. У меня была ложа во второмъ ярусѣ; первый—весь былъ занятъ придворными и первыми сановниками съ семействами. Жена съ родными была въ ложѣ; не знаю навѣрно, была ли и матушка *).

Первый актъ прошелъ благополучно; известному тріо сильно и дружно аплодировали.

Въ сценѣ поляковъ начиная отъ польской до мазурки и финального хора царствовало глубокое молчаніе. Я пошелъ на сцену, сильно огорченный этимъ молчаніемъ публики; и Иванъ Кавось, сынъ капельмейстера, управлявшаго оркес-

*) На логѣ въ скобкахъ неизвѣстною рукою: «Не была, ибо на другой день М. И. написалъ ей письмо съ описаніемъ этого представлѣнія».

стромъ, тщетно увѣрялъ меня, что это молчаніе происходитъ отъ того, что тутъ дѣйствуютъ поляки; я остался въ недоумѣніи.

Появленіе Воробьевой разсѣяло всѣ мои сомнѣнія въ успѣхѣ. Пѣснь сироты, дуеть Воробьевой съ Петровымъ, квартетъ, сцена съ поляками G-dur и прочіе №№ акта прошли (благополучно) *) и съ большимъ успѣхомъ.

Въ четвертомъ актѣ, хористы, игравшіе поляковъ, въ концѣ сцены, происходящей въ лѣсу, напали на Петрова съ такимъ осторвененіемъ, что разорвали на немъ рубашку и онъ не на шутку долженъ былъ отъ нихъ защищаться.

Великолѣпный спектакль эпилога, представляющій ликованье народа въ Кремль, поразилъ меня самого. Воробьева была превосходна, какъ и всегда, въ трою съ хоромъ.

Успѣхъ оперы былъ совершенный, я былъ въ чаду и теперь рѣшительно не помню, что происходило, когда опустили занавѣсь.

Меня сейчасъ послѣ этого позвали въ боковую императорскую ложу. Государь первый поблагодарилъ меня за мою оперу, замѣтивъ, что не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ; я объяснилъ его величеству, что не бывъ на пробѣ по Большни, я не могъ знать, какъ распорядятся; а что по моей программѣ во время нападенія поляковъ на Сусанина, занавѣсь должна сейчасъ опуститься; смерть же Сусанина высказывается Сиротою въ эпилогѣ.

Послѣ императора благодарила меня императрица, а потомъ великие князья и великие княжны, находившіеся въ театре.

Въ скромъ времени, я получилъ за оперу императорскій подарокъ: перстень въ 4,000 р. асиг.; онъ состоялъ изъ топаза, окруженного въ три ряда превосходѣйшими бриллиантами; я тогда же подарилъ его женѣ моей.

Еще до представленія оперы, Кукольникъ помогъ мнѣ продать собственность оперы Снегиреву **); продажа, въ особенности сначала, шла чрезвычайно успѣшно и я получила некоторую выгоду ***).

*) Это слово въ рукописи зачеркнуто.

**) Содержателю потнаго магазина въ то время, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкова моста, въ бывшемъ домѣ Брюна.

***) На позѣ карандашемъ рукою Глинки: «справиться у Нестора (Кукольника)».

Несмотря на блестательный успехъ, нашлись зоилы. Фадей Булгаринъ напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ двѣ длинныи статьи въ декабрѣ 1836 г. или въ январѣ 1837 г.*). Эти статьи любопытны и ясно опредѣляютъ степень невѣжества въ музѣкѣ ихъ автора.

Нѣкоторые изъ аристократовъ, говоря о моей оперѣ, выражались съ презрѣніемъ: «C'est la musique des cochers**).

Несмотря на то, опера шла все лучше и лучше, театръ усердно посѣщали, а гдѣ мало-мальски пѣли, тамъ уже навѣрное можно было найти печатныи пьесы изъ моей оперы, которая впрочемъ была исправнѣе переложена на фортепиано мной и Карломъ Мейеромъ, нежели напечатана Снегиревымъ.

Бумага была прескверная, да и не поспѣвали во время №№: по требованію публики.

Въ заключеніи этого периода жизни моей считаю не лишнимъ привести здѣсь стихи, сочиненные въ честь мою на дружескомъ вечерѣ у князя Одоевскаго, Жуковскимъ, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Соболевскимъ***).

*) Прим. Глинки: «Слѣдовало бы отыскать ихъ, какъ chef d'oeuvre музыкальной галиматьи. Противъ этого мнѣста чѣй то рукой написано: «Это не-правда. Въ Сѣверной Пчелѣ были только три статьи кн. Одоевскаго: 1-я 7 дек. 1836, № 280, 2-я 15-го дек., № 287 и 3-я 16-го дек. 1836 № 288. Больше никакихъ и нечыхъ—не было». На это замѣчаніе, въ свою очередь, оказывается несправедливымъ. Въ Сѣверной Пчелѣ № 291 — 19 дек. и № 292, 21 дек. дѣйствительно были двѣ статьи за подпись «Фадей Булгаринъ», подъ заглавіемъ: «Мнѣніе о новой русской оперѣ: Жизнь за Царя». Въ нихъ, прикрывшись эпиграфомъ изъ Грибоѣдова: «Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!» и заявленіями, что «Сѣверная Пчела» имѣть и собственное мнѣніе, Булгаринъ нацадаетъ на выраженія своего сотрудника Одоевскаго, который сказалъ, что «Глинка открылъ новый періодъ и внесъ новую стихію въ музыку».

«Въ музѣкѣ, говорить Булгаринъ: не можетъ быть никакой новой стихіи и въ ней невозможно открыть ничего новаго. Все существуетъ. Берите и пользуйтесь!» Всѣ остальные сужденія такого же достоинства.

Ред.

**) «Это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера по-моему дѣльнѣе господъ».

Прим. М. И. Глинки:

***) Стихи не приведены ни въ подлинной рукописи записокъ М. И. Глинки, ни въ выѣренной имъ копіи съ этихъ записокъ. На этойъ послѣдней, вместо нихъ, есть слѣдующая приписка самого Глинки: «Умоляю доброго и, какъ я полагаю, искренно меня любящаго Д. В. С. приобрѣсть копію этихъ стиховъ отъ кн. Одоевскаго. Получа, прошу присоединить къ этимъ запискамъ. Берлинъ ^{5 июня} _{23 июля} 1856 г.». Глинка, обращаясь съ этойю просьбою къ Д. В. Стасо-

ву, забыть (какъ это съ нимъ въ послѣдніе годы жизни частенько бывало), что упоминаемые здѣсь стихи были напечатаны еще въ 1836 году; — внослѣдствіи они вошли въ «полное собраніе романсовъ и пѣсень М. И. Глинки» изд. Ф. Степловскаго: Вотъ заглавіе и текстъ этого шутливаго произведенія:

«Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Вельгорскаго, музыка кн. В. Ф. Одоевскаго и М. И. Глинки». Музыка положена на четыре голоса. Напеч. въ Спб. 15 декабря 1836 г. въ листъ.

Пушкинъ: Пой въ восторгъ русскій хоръ
Вышла новая новинка.
Веселится Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

* * *

Кн. Вяземскій: За прекрасную новинку
Славить будеть глашъ молви
Нашего Орфея — Глинку —
Отъ Неглинной, отъ Неглинной—до Москвы!

* * *

Жуковскій: Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глитвейну, глитвейну—стаканъ!

* * *

Гр. Вельгорскій: Слыша сю новинку,
Зависть злой омрачась,
Пусть скрежещеть, но ужъ Глинку
Затоптать, топтать, топтать не можетъ въ грязь!

* * *

Пушкинъ: Пой въ восторгъ русскій хоръ
Вышла новая новинка!
Веселится Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Шутка эта напечатана съ нотами, но мы не приводимъ нотъ, опасаясь реагирования ока г. Степловскаго, который, быть можетъ, найдетъ въ этомъ посягательство на его собственность. Что же до текста канона, то мы его приводимъ со списка, весьма обязательно сообщеннаго намъ — С. А. Соболевскимъ — при следующей замѣткѣ этого уважаемаго библиографа: «Послѣ князя Одоевскаго нашлась четвертушка нотной бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукой Всеволожскаго написаны стихи, сложенные Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ, въ честь Глинки; тутъ же, рукой кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственнооручная рукой Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ декабря (18-го?) 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго, что первый куплетъ — Пушкина, второй — Вяземскаго, третій Жуковскаго, а чѣму музыка — кн. Одоевскаго и гр. Михаила Юрьевича Вельгорскаго (въ печ. изд. канона — назв. Глинка), обо мнѣ — ни слова. Я думаю, что память измѣнила Глинкѣ, измѣнившаго меня въ числѣ творцевъ шутливаго «канона»; я съ августа мѣсяца 1836 г. былъ за границею, гдѣ оставался на этотъ разъ около года, таинъ что и несчастный поединокъ Пушкина случился, къ крайней моей скорби, во время моего отсутствія».

Отмѣтимъ, что въ печатномъ изданіи канона — куплеты приписаны поэтамъ въ такомъ порядке: 1-й — Вельгорскаго, 2-й — Вяземскаго, 3-й — Жуковскаго, 4-й — Пушкина.

Ред.